

Глава 16. Одержимость. [Фан Чжюй: Скучаю по тебе.]

—

Тан Сюци пересказал Фан Лань всё, что только что увидел в коридоре.

Фан Лань, слушая его, крепко нахмурилась:

— Как такое возможно? Может, здесь кроется какое-то недоразумение?

— Тоже верно. Слухи часто обманчивы, да и то, что видишь своими глазами, не всегда оказывается правдой, — поразмыслив, ответил Тан Сюци. — Я еще понаблюдаю за ним.

— Вот именно, для начала разузнай обстановку, — согласилась Фан Лань. — И кстати, не говори пока ничего Сяо Юю. Он сейчас в заграничной командировке, не нужно забивать ему голову и волновать по пустякам.

Тан Сюци кивнул:

— Не переживай, я прекрасно понимаю всю серьезность ситуации.

Обсудив всё, супруги решили для начала вести скрытное наблюдение.

Тан Сюци согласился приехать и помочь съемочной группе во многом из-за того, что прослышал, будто Хэ Синчжоу снимается именно в этом проекте.

Вот только он никак не ожидал, что столкнется с настолько неловкой сценой в первый же день своего приезда.

Из-за этого первое впечатление Тан Сюци о Хэ Синчжоу неизбежно подпортилось. Однако пожилой профессор не был человеком упрямым и предвзятым, поэтому твердо решил сначала досконально разобраться в ситуации, прежде чем делать окончательные выводы.

Вдруг это и впрямь обычное недоразумение?

На следующий день.

Хэ Синчжоу к своему удивлению обнаружил, что новоприбывший эксперт-археолог, профессор Тан, постоянно за ним наблюдает.

Снимается ли он в сцене, отдыхает ли, пьет воду, обедает или даже выходит из туалета — мужчина неизменно провожал его изучающим, сканирующим взглядом.

Этот взгляд, честно говоря, обладал какой-то невероятной проницательностью.

Учитывая, что Тан Сюци был археологом, у Хэ Синчжоу то и дело возникало смутное ощущение, будто в глазах профессора он был вовсе не человеком, а ожившей и сбежавшей из пещеры древней каменной статуей.

Хэ Синчжоу повернулся к своему ассистенту Сяо Сюю:

— У меня что-то с лицом? На нем что-то размазано?

— Да нет же! Чжоу-гэ сегодня, как и всегда, выглядит просто потрясающе! — Сяо Сюй, будучи

преданным фанатом Хэ Синчжоу, состоял в рядах тех, кто готов был безостановочно осыпать своего босса комплиментами.

— Тогда почему он постоянно на меня смотрит? — Хэ Синчжоу слегка мотнул подбородком в сторону Тан Сюци.

Тан Сюци в этот момент увлеченно обсуждал сценарий со сценаристкой, совершенно не обращая на них внимания, однако Хэ Синчжоу прекрасно помнил все его предыдущие пристальные взгляды.

— Кто? — Сяо Сюй вытянул шею, всматриваясь вдаль. — Сунь-цзе [прим: цзе (孙, jǐ) - старшая сестра]? Или профессор Тан?

Хэ Синчжоу уточнил:

— Профессор Тан.

Сяо Сюй не обладал такой чуткостью, как его начальник, поэтому раньше ничего подобного не замечал. Услышав слова Хэ Синчжоу, он ненадолго задумался, а затем выдал:

— А может, профессор Тан — твой тайный фанат? Впервые увидел тебя вживую, переполнился эмоциями и теперь просто не может оторвать глаз?

Хэ Синчжоу: «.....»

— Ну а что? Когда обычный человек впервые сталкивается лицом к лицу со своим кумиром, он всегда замирает как вкопанный! Я сам точно так же себя вел! — Сяо Сюй приводил доводы с полной уверенностью. — В конце концов, Чжоу-гэ, ты ведь у нас высококлассный и безупречный молодой актер, в которого влюблены абсолютно все, от мала до велика, независимо от пола и возраста!

— Ха-ха, — Хэ Синчжоу выдавил совершенно безэмоциональный смешок. — Ты слишком много нафантазировал. Это ни разу не взгляд фаната, смотрящего на своего кумира.

Сяо Сюй смиренно спросил:

— И какой же это тогда взгляд?

Хэ Синчжоу хмыкнул:

— Это взгляд патологоанатома, который спит и видит, как бы вскрыть меня и хорошенько изучить, из какого теста я слеплен.

Сяо Сюй: «.....» Ну и жестокие же у тебя аналогии, брат.

— Чжоу-гэ, если тебе так любопытно, может, мне пойти и аккуратно прощупать почву? — предложил ассистент.

Хэ Синчжоу немного подумал, но в итоге покачал головой:

— Не нужно, забудь.

В любом случае, как только съемки сцен внутри пещерных храмов завершатся, их пути с Тан Сюци больше никогда не пересекутся.

Он догадывался, что такое странное поведение профессора Тана наверняка как-то связано со вчерашним ночным инцидентом. Однако Хэ Синчжоу было лень пускаться в объяснения — этот человек не входил в круг его близких людей, так к чему утруждатьсь?

В этот момент сценаристка Сунь и профессор Тан, видимо, договорившись о чем-то, одновременно посмотрели в их сторону, после чего дружным шагом направились напрямик к ним.

— Синчжоу! — с улыбкой окликнула его Сунь-цзе.

— Сунь-цзе, — вежливо поздоровался Хэ Синчжоу, после чего уважительно кивнул пожилому мужчине: — Профессор Тан.

Тан Сюци благожелательно кивнул в ответ:

— Сяо Хэ, верно? Я смотрел твою картину «Побег», сыграно весьма недурно.

Услышав это, Хэ Синчжоу изрядно удивился.

«Побег» был остросюжетным криминальным боевиком про полицию и бандитов, где он исполнил роль тайного агента под прикрытием. В фильме было огромное количество динамичных сцен драк и погонь — кинолента, мягко говоря, ориентировалась на вкусы молодой аудитории.

Он никак не ожидал, что пожилой профессор археологии вроде Тан Сюци тоже смотрит подобные боевики, да еще и так высоко оценит его актерскую игру.

Независимо от того, была ли эта похвала искренней или обычной вежливостью ради приличия, Хэ Синчжоу скромно ответил: «Профессор Тан, вы мне льстите», — и попутно упомянул, что сам тоже знаком с его трудами.

— Я смотрел документальный выпуск проекта «Разговоры о Дуньхуане», где вы подробно рассказывали о пещерах Могао. Это было невероятно познавательно. Надеюсь на ваши ценные наставления и помощь в дальнейшей работе.

Персонаж Хэ Синчжоу в фильме по сценарию обладал определенным багажом археологических знаний, так что ему действительно требовались авторитетные консультации Тан Сюци.

Сунь-цзе, не подозревая, что эти двое уже пересекались накануне ночью, с явным восхищением в голосе произнесла:

— Профессор Тан вчера детально изучил наш сценарий и обнаружил несколько неточностей в сценах, касающихся пещер Могао, которые требуют обязательной корректировки. Мы только что провели детальный разбор, и для меня это был просто неоценимый опыт!

Тан Сюци добродушно улыбнулся:

— Полно вам, мы всего лишь обменялись мнениями.

— Вы слишком скромничаете! — рассмеялась Сунь-цзе. — Ладно, у меня как раз появилось несколько свежих мыслей, нужно срочно обсудить их с режиссером Лю. Вы пока пообщайтесь, а я пойду.

Договорив, Сунь-цзе тут же развернулась и упорхнула на поиски режиссера Лю. Оставив мужчин втроем, смысленный Сяо Сюй тут же услужливо поднес профессору Тану бутылочку чистой воды.

Тан Сюци тепло поблагодарил парня, после чего указал рукой на виднеющийся впереди вход в пещерный комплекс и повернулся к Хэ Синчжоу:

— Сяо Хэ, ты сейчас свободен? Не согласишься прогуляться со мной за компанию?

Вся утренняя порция сцен с участием Хэ Синчжоу уже была успешно отснята, и сейчас на площадке работали над кадрами с другими актерами.

Тан Сюци был его старшим, да еще и признанным титаном в мире археологии, к тому же Хэ Синчжоу в будущем действительно нуждался в его профессиональных советах, поэтому он очень легко и открыто согласился:

— Без проблем, пойдете.

Они неторопливым шагом направились к ближайшему гроту. По пути Тан Сюци поинтересовался, какие впечатления вызывают у Хэ Синчжоу пещеры Могао.

Сцен, напрямую связанных с Могао, в фильме было не так уж много, однако ключевая идея картины несла в себе глубокий образовательный и просветительский посыл, призывающий общественность оберегать и защищать древние каменные храмы. Чтобы получить официальное разрешение на съемки в таком месте, продюсерам пришлось приложить колоссальные усилия.

Когда Хэ Синчжоу только утвердили на роль и он получил на руки сценарий, он специально потратил кучу времени на изучение исторических материалов о Могао, включая тот самый документальный фильм «Разговоры о Дуньхуане», о котором упоминал ранее.

В той передаче Тан Сюци появился лишь мельком в самом конце выпуска, именно поэтому Хэ Синчжоу не смог сразу узнать его при первой встрече в отеле.

Пещерный комплекс Могао насчитывал в общей сложности 735 гротов, и Хэ Синчжоу, разумеется, поверхностно изучил лишь те несколько локаций, что фигурировали в их сценарии.

Перед лицом настоящего, маститого профессионала он не стал кичиться своими скромными познаниями, а просто честно поделился личными мыслями и выводами, основанными на прочитанном материале.

Тан Сюци внимательно слушал, то и дело одобряюще кивая головой. Иногда он задавал точечные вопросы, а когда Хэ Синчжоу заходил в тупик или озвучивал свои сомнения, профессор мягко давал ему четкие и правильные ответы.

Они медленно обходили прохладные залы. По мере того как их беседа становилась всё более глубокой и содержательной, во взгляде Тан Сюци, устремленном на молодого актера, постепенно начала проступать теплая, искренняя улыбка.

Сам же Хэ Синчжоу был окончательно и бесповоротно покорен невероятной эрудицией профессора Тана и его колоссальным, поистине бездонным багажом знаний о Могао.

Под плавный, размеренный, но такой живой и увлекательный рассказ Тан Сюци Хэ Синчжоу на

секунду показалось, будто он собственными глазами перенесся на целые тысячи лет назад, оказавшись в аутентичном древнем храме.

Окружающие его каменные изваяния и фрески больше не казались безжизненными кусками породы — перед его взором, прорвав плотную завесу времени, сошлись воедино живая история и великая культура, оставленная предками.

Когда они наконец вышли наружу, Хэ Синчжоу оглянулся на темный зев пещеры, по которой они только что бродили. Его внутреннее состояние теперь кардинально отличалось от того, с каким он впервые прибыл на эти съемки.

Стоявший рядом Тан Сюци почувствовал, как в кармане его куртки завибрировал мобильный телефон. Это было сообщение от Фан Лань, которая сгорала от нетерпения узнать результаты его наблюдений.

Тан Сюци открыл клавиатуру и набрал ответ для супруги:

[Сюшэнь Цичжэн*: Не волнуйся, всё идет строго по плану, без сучка и задоринки.]

[*Сюшэнь Цичжэн (齐慎, Xiūshēn qí zhèng) — это отсылка к классической китайской философии — известная концепция гармонии человека и мира. 修 (xiū shēn) — самосовершенствование, очищение помыслов, работа над своим характером и телом; 齐 (qí) — упорядочивать, приводить в гармонию, выравнивать; 正 (zhèng) — правильный, праведный, справедливый, истинный. Можно перевести как «стремление к истинной гармонии и праведности». Первый и третий иероглифы 修 (xiū) и 正 (zhèng) — иероглифы его имени Тан Сюци.]

Он сделал несколько шагов назад, открыл камеру на смартфоне, сделал пару красивых кадров древнего грота и в последний момент аккуратно поймал в объектив стоявшего неподалеку Хэ Синчжоу.

Закончив съемку, он тут же переслал получившиеся фотографии Фан Лань.

Заметив, что Хэ Синчжоу до сих пор пребывает в глубокой задумчивости, профессор негромко кашлянул, привлекая к себе внимание, и обратился к актеру:

— Сяо Хэ, я тут сделал пару действительно удачных кадров. Давай добавим друг друга в WeChat, я перешлю их тебе.

Хэ Синчжоу мгновенно вернулся в реальность и выудил телефон из кармана ветровки:

— О, конечно, давайте.

Они обменялись контактами, и Хэ Синчжоу сразу же подписал нового знакомого как «Профессор Тан».

Тан Сюци скинул ему снимки, среди которых оказался и тот самый кадр, где актер запечатлен на фоне входа в пещеру. Игра света, тени и общая композиция кадра вышли по-настоящему безупречными.

Хэ Синчжоу бережно сохранил снимок в галерею и с улыбкой искренне похвалил:

— Профессор Тан, у вас отличный глаз и потрясающие навыки фотографии. Вы где-то специально этому учились?

— Да нет, что ты говоришь, — со смехом отмахнулся Тан Сюци. — Просто моя жена безумно любит фотографироваться. Когда щелкаешь затвором столько лет, опыт и навыки приходят сами собой.

Фан Лань, как и он сам, всю жизнь посвятила археологии. За тридцать с лишним лет совместной работы и экспедиций они с помощью объектива фотокамеры бережно задокументировали буквально каждый шаг своего общего жизненного пути.

Стоило профессору заговорить о супруге, как в его глазах невольно вспыхнула глубокая, нежная любовь, а лицо озарилось исключительно мягкой улыбкой.

Заметив это, Хэ Синчжоу уважительно произнес:

— У вас с вашей супругой, должно быть, просто потрясающие, очень крепкие отношения.

— Ну разумеется, а как иначе, — с гордостью кивнул Тан Сюци. Однако в следующую секунду он словно вспомнил о чем-то важном, его лицо мгновенно посуровело, а взгляд, устремленный на Хэ Синчжоу, резко изменился.

Хэ Синчжоу моментально это зафиксировал. Ну вот, опять этот взгляд, словно его собираются препарировать на операционном столе.

Поскольку после совместной прогулки и долгой беседы они успели неплохо сойтись, актер без лишних стеснений прямо в лоб спросил:

— Профессор Тан, почему вы опять так на меня смотрите?

Тан Сюци рассудил, что почва для серьезного разговора уже достаточно подготовлена. Он напустил на себя строгий вид и заговорил веским, серьезным тоном:

— Сяо Хэ, возможно, мне, как постороннему человеку, совершенно не следовало бы совать нос в чужие дела... Но учитывая, что мы сегодня так душевно пообщались и нашли общий язык, я все же позволю себе дать тебе один совет.

Хэ Синчжоу внимательно выслушал:

— Я внимательно вас слушаю, говорите.

Тан Сюци с каменным лицом отчеканил:

— В отношениях между влюбленными размолвки, споры и бурные сцены — дело абсолютно житейское и нормальное. Но вот распускать руки и устраивать рукоприкладство — это уже никуда не годится.

— Влюбленными? — Хэ Синчжоу опешил от неожиданности. — Какими еще влюбленными?

— Ну тем самым пареньком, который вчера ночью пулей вылетел из твоего номера, — напомнил ему Тан Сюци. — Разве вы двое не состоите в романтических отношениях?

— Да вы шутите?! — на лице Хэ Синчжоу отразился неподдельный шок, и он тут же на автомате яростно открестился: — Как мы с ним вообще можем быть парой? Между нами нет и никогда не было абсолютно ничего общего!

Услышав столь бурную реакцию, Тан Сюци мысленно выдохнул: «Ну надо же, здесь и правда

крылось какое-то дикое недоразумение!».

Он решил ковать железо, пока горячо, и принялся допытываться дальше:

— Вы действительно не пара? Смотри мне, Сяо Хэ, не вздумай вешать мне лапшу на уши, пользуясь моим преклонным возрастом.

— Да зачем мне вас обманывать? — Хэ Синчжоу, вспомнив наглую и омерзительную выходку Шэнь Си накануне ночью, мгновенно выстроил в голове логическую цепочку. — Это... это он вам такое наплел?

Тан Сюци подтверждающе кивнул, и с губ Хэ Синчжоу сорвался холодный, злой смешок.

Изначально он планировал спустить это дело на тормозах и не устраивать лишних разборок — в конце концов, съемочные дни Шэнь Си подходили к концу, и он скоро должен был покинуть проект, так что Хэ Синчжоу просто не хотел доставлять съемочной группе лишней головной боли.

Вот только он никак не ожидал, что этот придурок окажется настолько непроходимым тупицей, который в упор не понимает человеческого языка и упрямо лезет топтаться по его личным границам.

У Хэ Синчжоу отродясь не было привычки оправдываться перед посторонними людьми, но профессор Тан после их прогулки уже не казался ему чужим человеком.

Раз уж тема зашла в такое русло, он без утайки, в простых и емких выражениях пересказал Тан Сюци всё, что на самом деле произошло вчера ночью в его номере, добавив в конце, что если профессор сомневается, то может в любую секунду уличить Шэнь Си во лжи на очной ставке.

Честному человеку скрывать нечего, его тень всегда прямая, так что Хэ Синчжоу в этой жизни не боялся вообще никого.

— Вот оно как, оказывается! Ну конечно же я верю тебе, — морщины на лбу Тан Сюци мгновенно разгладились. Он остался несказанно доволен тем, что молодой человек проявил твердость характера и на корню пресек грязные скрытые правила индустрии. Профессор с душой похлопал актера по плечу: — Способность твердо и решительно говорить «нет» любым грязным соблазнам извне — это великолепная черта. Ты заслуживаешь самой высокой похвалы.

Хэ Синчжоу принял комплимент без лишней ложной скромности:

— Само собой. Я всегда свято оберегаю свою честь и храню верность, разве это не очевидно?

Хотя их брак с Фан Чжюем был исключительно контрактным, Хэ Синчжоу, как настоящий, уважающий себя и несущий ответственность за свои поступки мужчина, обязан был четко держать оборону и не переступать черту.

— Беречь честь и хранить верность — это просто прекрасно! — Тан Сюци расплылся в еще более широкой и довольной улыбке, после чего с силой захлопал актера по спине. — Золотой ты парень! Молодец! Всегда оставайся таким и впредь!

«.....» — Хэ Синчжоу от такого бурного одобрения и обращения «золотой парень»

почувствовал себя как-то не по себе. А уж та глубинная, теплая родительская забота и нежность, что внезапно заплескались в глазах профессора Тана, и вовсе не поддавались никакому логическому объяснению.

С чего бы постороннему человеку хвалить его как собственного ребенка?

У этого профессора Тана что, отцовские чувства через край бьют?

Пока Хэ Синчжоу пытался переварить этот странный прилив нежности, Тан Сюци весело продолжил:

— Я прекрасно знаю, что в шоу-бизнесе — этом ярком, блестящем и обманчивом мире — на каждом шагу подстерегает куча соблазнов. Но ты обязан всегда свято хранить верность своему сердцу. Не смей совершать поступков, которые заставят твоих близких проливать слезы и разочаровываться в тебе, не подставляй любимого человека под удары грязных сплетен и общественного мнения. Всегда цени и оберегай того, кто находится рядом с тобой.

Хэ Синчжоу решил, что пожилой профессор просто расчувствовался на фоне разговоров о собственной счастливой семье, поэтому не придал его словам особого значения:

— Профессор Тан, а вы, я погляжу, так и норовите почитать мне нотации.

Тан Сюци ничуть не обиделся на эту беззлобную подначку и громогласно расхохотался:

— Ха-ха-ха! Это всего лишь скромный жизненный опыт человека, который прошел через всё это. Ты главное не сердчай на старика за излишнюю ворчливость.

Пока они увлеченно беседовали, к ним со всех ног припустил Сяо Сюй, на ходу крича, что скоро наступит очередь Хэ Синчжоу выходить на съемочную площадку.

Хэ Синчжоу вопросительно взглянул на Тан Сюци, но тот лишь ободряюще махнул рукой:

— Давайте-давайте, бегите на площадку. А я еще немного поброжу в окрестностях, подышу воздухом.

— Хорошо. Будьте осторожны и аккуратны, — напутствовал его Хэ Синчжоу, после чего развернулся и вместе с ассистентом поспешил к месту съемок.

Оставшись в одиночестве, Тан Сюци немедленно набрал сообщение для Фан Лань, подробно изложив ей всю только что добытую информацию и попутно щедро осыпав Хэ Синчжоу комплиментами.

Фан Лань по счастливому, приподнятому тону мужа сразу раскусила его перемену настроения и принялась по-доброму подшучивать:

— Ну надо же! Еще вчера ты в красках расписывал мне, какой этот Хэ Синчжоу распутный и аморальный тип, а сегодня уже поешь ему дифирамбы?

— Ой, да то было чистой воды недоразумение, глупейшая ошибка! — весело запротестовал Тан Сюци. — Теперь-то мы во всем досконально разобрались, всё кристально чисто.

Фан Лань поинтересовалась:

— И что теперь? Собираешься раскрыть ему, кто ты такой на самом деле?

— Пока не буду, — подумав, Тан Сюци покачал базой, имея на этот счет собственные соображения. — Всё-таки мы находимся на съемочной площадке, здесь нужно в первую очередь отдаваться работе. Как-нибудь потом выберем подходящий момент и во всем признаемся.

Раз уж он приехал сюда, то планировал еще какое-то время спокойно понаблюдать за зятем со стороны.

Повесив трубку, Тан Сюци решил, что пришла пора прощупать почву и со стороны собственного сына.

Он открыл WeChat и отправил Фан Чжиюю сообщение, интересуясь, связывался ли тот в последнее время с Хэ Синчжоу и как вообще продвигаются их супружеские отношения.

Фан Чжиюй, получив это послание, на несколько секунд впал в ступор, после чего со спокойной душой напечатал ответ.

[Фан Чжиюй: У нас всё отлично, общаемся каждый день.]

Ну разумеется, ни о каком «каждом дне» и речи быть не могло.

С момента официальной регистрации брака эти двое не связывались друг с другом уже добрых полмесяца.

Фан Чжиюй лишь смутно помнил, что Хэ Синчжоу улетел на съемки куда-то на северо-запад страны, но где именно раскинулась съемочная площадка — его абсолютно не волновало.

Точно так же и Хэ Синчжоу не имел ни малейшего понятия о том, какими проектами все эти недели занимался Фан Чжиюй и в какие рабочие командировки он летал.

Они вели себя в точности так, как и договаривались изначально: жили своими жизнями и не совали нос в дела друг друга.

Однако стоило Фан Чжиюю отправить это сообщение, как от Тан Сюци мгновенно прилетел новый ответ.

[Сюшэнь Цичжэн: Правда? Смотри мне, не вздумай сочинять сказки и вешать нам с матерью лапшу на уши только ради того, чтобы мы не переживали.]

Фан Чжиюй: «.....»

Он спешно свернул окно чата, вбил в поисковую строку браузера имя Хэ Синчжоу, чтобы оперативно просмотреть последние новости о нем, после чего снова вернулся в мессенджер.

[Фан Чжиюй: Я говорю правду.]

[Фан Чжиюй: Он сейчас на съемках в Дуньхуане, график очень плотный, да и мобильная связь там ловит из рук вон плохо.]

[Сюшэнь Цичжэн: ...Вообще-то связь здесь ловит вполне прилично [Улыбающийся смайлик].]

Фан Чжиюй: «.....»

Какая оплошность. Он в спешке напрочь позабыл о том, что его собственный отец, Тан Сюци,

долгие годы регулярно работал именно в Дуньхуане и знал там каждую вышку связи.

В очередной раз подтвердилась старая истина: ради спасения одной маленькой лжи приходится громоздить целую гору новых оправданий.

А этот классический желтый улыбающийся смайлик, который так обожают использовать люди старшего поколения, сейчас словно откровенно насмеялся над ним с экрана смартфона.

Фан Чжиюй устало потер переносицу, сокрушаясь о том, что из-за дикого завала на работе он окончательно растерял бдительность и умудрился совершить такую глупую, детскую ошибку.

Пока он мысленно корил себя за прокол, от Тан Сюци пискнуло новое уведомление.

[Сюшэнь Цичжэн: Я прекрасно понимаю, что ты по уши погряз в делах своей корпорации. Но вы ведь молодожены, едва успели сыграть свадьбу, а уже разъехались по разным концам страны. Вам нужно как можно чаще общаться друг с другом.]

[Сюшэнь Цичжэн: Послушай отца, это чистый опыт прожитых лет! Не веришь мне — спроси у мамы. Мы с ней, даже находясь в разных экспедициях, созваниваемся абсолютно каждый божий день!]

[Фан Чжиюй: Хорошо, я тебя понял.]

Фан Чжиюй закрыл диалог с отцом, вбил в строке поиска WeChat имя Хэ Синчжоу и зашел на его страницу.

Их последние сообщения датировались двухнедельной давностью.

Тогда Хэ Синчжоу лично приезжал в офис Хэ Групп, чтобы забрать его на совместный ужин с родителями, и их переписка свелась к паре коротких дежурных фраз.

Фан Чжиюй немного подумал и позвонил Хэ Синчжоу по видеосвязи.

Вызов остался без ответа. Фан Чжиюй не стал настойчиво перезванивать, вместо этого быстро напечатал несколько текстовых сообщений, сделал скриншот экрана и переслал его Тан Сюци в качестве железного доказательства «ежедневного общения».

Тем временем Хэ Синчжоу всю пахал на съемочной площадке. К тому моменту, как он полностью отработал все свои сцены и объявили об окончании смены, стрелки часов уже приближались к семи часам вечера.

Сяо Сюй тут же подскочил к нему, держа в руках его куртку и телефон, и протянул заранее приготовленную бутылку прохладной воды:

— Чжоу-гэ, пока ты был в кадре, на твой телефон поступил пропущенный видеозвонок.

Последние две сцены у Хэ Синчжоу были невероятно эмоциональными, с мощным надрывом, так что в горле у него сейчас знатно пересохло.

Одной рукой он перехватил бутылку, запрокинул голову и принялся жадно глотать воду, а второй — разблокировал экран смартфона и не глядя ткнул на иконку мессенджера.

В следующую секунду по всей площадке раздался громкий звук: «Пф-ф-ф!!!» — актер фонтаном выплюнул всю воду, которую только что набрал в рот.

[Фан Чжиюй: Съёмки, должно быть, отнимают очень много сил?]

[Фан Чжиюй: В Дуньхуане сильные ветра, песчаные бури, да и температура резко скачет. Пожалуйста, береги себя и следи за здоровьем.]

[Фан Чжиюй: Скучаю по тебе.]

Хэ Синчжоу: «.....»

Твою же мать... В Фан Чжиюя что, вселился какой-то призрак?!!!

—

<http://bllate.org/book/17741/1660129>